

ГАРМОНИЮ ГАРМОНИЕЙ ПОВЕРИВ...

Что Владислав Стрельчик репетирует роль Сальери в пьесе П. Шеффера «Амадеус» в постановке Г. Товстоногова и Ю. Аксенова, было известно давно. И вот, наконец, на гастролях АБДТ им. М. Горького московские зрители смогли увидеть и оценить эту новую работу актера. Впрочем, оценка пришла уже потом, а пока шел спектакль, так часто прерываемый невольными аплодисментами, вас не оставляла мысль о том, что давно уже наша сцена не знала таких стремительных взлетов страсти, широкой гаммы романтических контрастов, чистой, выделенной, самодовлеющей и самоценной театральности.

В этой работе с наибольшей силой проявилось то, что всегда было характерно для актера — умение во всяком образе преодолевать земное притяжение и вырываться в иную, философски углубленную плоскость, одухотворя поэтическим началом любое переживание на сцене. Очищенное от случайных интонаций, совсем по-новому зазвучало здесь искусство слова, паузы, подтекста, обнаружив все богатство оттенков звучного, плотного, с сильными певучими гласными голоса.

В призрачном мерцании свечей, таинственном сумраке зеркал, оттененных голубым бархатом, прошли перед нами все

перипетии бытия великого честолюбца, гениальной посредственности Антонио Сальери с рождения до старости, драматического финала жизни, ее жестокого, убогого конца. Актер подошел здесь к образу не со стороны его моральной ценности или вернее аморальности, а со стороны масштабности этой фигуры, редкой человеческой значительности, содержательности характера. Его Сальери меньше всего «трагический злодей», это натура страстная, страждущая, одержимая, вечный мученик своего ничем и никогда не утоленного честолюбия, добровольный раб музыки, которую любит страшно, грешно, вкладывая в эту свою любовь всю силу необузданного, чувственного темперамента.

В спектакле, где главное действующее лицо — Сальери, как проклятие, как напоминание о недостижимом, звучит трагическая и высокая музыка Моцарта. При первых же тактах ее он начинает томиться немо, беззвучно, изнемогая в борьбе с самим собой и над собой же творя Страшный Суд. В бессильной ярости, безумной тоске идет разговор с богом, отречение от которого для Сальери означает окончательное нравственное падение. «Не принимаю тебя, Господи!», прорезая тишину, несется вверх, к высотам бытия неистовое проклятие, и перед

нами уже не преуспевающий придворный композитор, блистающий великолепной грацией и царственной простотой, а ослабленный, больной и дряхлый старик: на чувственных губах еще блуждает провидческая улыбка, а глаза уже смотрят бессмысленно и отрешенно...

Но и в этой своей духовной и физической опустошенности Сальери В. Стрельчика не устает поражать трагическим накалом страсти, величественной мощью чувства. Внутренняя сущность здесь резко очерчена, просвечена до дна, но остается все так же глубока, сложна и притягательна. Актер как бы раздвинул границы роли, насытив во многом схематичную в пьесе фигуру своего героя плотью и кровью, привнес в нее азарт борьбы, избыток жизненной силы, он прикоснулся к так называемым «вечным» вопросам бытия, заговорил о добре и зле, смысле человеческого существования и величайшей трагедии неудовлетворенности. Муки творчества, осознание собственного бессилия перед лицом божественной гармонии раскрываются актером с редкой самоотдачей, почти на пределе физических и духовных сил, но именно это и наталкивает на мысль о творческой неисчерпаемости, безграничности возможностей актера.

Елена СИЗЕНКО.

Неделя, 1983, авг., № 31